

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

Вариант шедевра

АНТИМЕМУАРЫ ШПИОНА

ПАЛЬМИРА

Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л93

Любимов М.

Л93 Вариант шедевра : Антимемуары шпиона / Михаил Любимов. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 432 с. : ил. — (Серия «Наше Столетие»).

ISBN 978-5-517-02126-7

В импрессионистических мемуарах Михаил Любимов повествует о своих метаниях между шпионажем и литературой, о постижении Бога, о бремени страстей. Тут и встречи с агентами, и пиршество хмеля, и любовь, и томление духа, и крушение иллюзий — суета сует нашей быстротечной жизни.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-02126-7

© Любимов М. П., 2020
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

— Наплавался на корабле дураков всласть, сынок? Теперь иди к папе.

Откажешься — увидимся через миллион лет.

Курт Воннегут. Галапагос

Здесь я покоюсь, извергнув свою злосчастную душу,
Кто я такой — не скажу. Пропадите вы пропадом, дурни!

Тимон Афинский. Эпитафия самому себе

ИНТРОДУКЦИЯ

О, когда бы на «Блэрио» поместилась кушетка!
Интродукция — Гауптман, а финал — Поль де-Кок.

Игорь Северянин

Я написал свои первые мемуары достаточно рано (лет в шестьдесят, исходя из возраста ухода на тот свет Ивана Тургенева, он казался древним старцем), опасаясь, что Жестокая Дева поразит меня косой преждевременно, и мир не узнает ничего о столь светлой личности. Текст вышел в приличном издании, обществу стало ясно, кого оно может потерять, и я беззаботно продолжал жить, балуя свое тщеславие шедеврами и шашлыками. Надувной шарик становился все округлее и импозантнее, озаряемый теплом телеэкранов, по душе, словно шматок сала по пищеводу, прокатывалось неистребимое желание славы, и вот однажды я взял изящный томик своих мемуаров в твердом переплете с собственной физиономией в дыму легендарной трубки и начал перечитывать...

О боже!

Что это?

Беспощадное время сместило те живописные мазки и трогательные акценты, которые казались мне бесспорными, тогдашние колоритные фигуры превратились в серых привидений, и наоборот, пунктирные личности стали великанами.

Совсем недавно я посетил Alma Mater и даже поучаствовал в сборнике мемуаров сокурсников, тиснув туда свой капустник, рожденный в 1957 году и имевший если не фураж, то успех (полков-

ничья шутка). С болью ощупывая тусклым взглядом когда-то почти родные лица сокурсников, я мог узнать лишь некоторых — мираж, Фата Моргана, раздутые тела, потухшие взоры, пародонтозные челюсти, венозные руки, нелепые бородавки на самых неподходящих местах, гейзеры самовлюбленности, увы и ах, это были совсем другие образы, иных уж нет, а те далече.

Я был не лучше, если не хуже.

Мемуары нужно писать и переписывать каждый день, каждый час, каждый миг, и они все равно ни на каплю не приблизятся к реальности, она ускользает от нас, и «поймать ты не тщишь, и ловить не берись, — ведь изменчивы луч и волна», как писал Михаил Лермонтов.

И я беру дрожащей рукой перо, и я морщу задумчиво лоб, и кривлю рот, чтобы получалось острее, я ухожу в себя, я выхожу из себя, и что я могу сказать? Что, кроме знаменитого шекспировского «Life's but a walking shadow, a poor player That struts and frets his hour upon the stage, And then is heard no more: it is a tale Told by an idiot, full of sound and fury, Signifying nothing»¹.

Звук и ярость.

¹ «Жизнь — только тень, она — актер на сцене. / Сыграл свой час, побегал, пошумел — / И был таков. Жизнь — сказка в пересказе / Глупца. Она полна трескучих слов / И ничего не значит» (У. Шекспир. Макбет. Пер. Б. Пастернака).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТАК ДИТЯ ПОЯВИЛОСЬ НА СВЕТ, И РОСЛО, НЕПРЕРЫВНО УМНЕЯ. БЛЕСТКИ БИОГРАФИИ: ВОЙНА И ЭВАКУАЦИЯ, СМЕРТЬ МАМЫ, ЛЬВОВ И КУЙБЫШЕВ

— Смотри, Пьетро, какие блистающие глаза у малютки, какой ум написан у него на лобике! Наверное, он будет если не кардиналом, то, во всяком случае, полковником!

Михаил Кузмин

Будущий полковник родился в роковой 1934 год (убийство Кирова) в семье чекиста с 1918 года, женатого на красавице из Днепропетровска. В доме у дедушки, мамино папы и профессора медицины, я и появился на свет, свершилось это на улице Карла Маркса¹ (странно, что дитяню не нарекли Карлом или, на худой конец, Владленом). Правда, через три месяца мы благополучно возвратились на место постоянной прописки в Даев переулок, что на Сретенке.

Заполним анкету: отец Петр Федорович Любимов, с 1918 г. сотрудник ЧК-ОГПУ-НКВД-Смерша, родом из города Кадома (тогда Тамбовская губерния), семья мещанско-крестьянская, сам папа слесарничал, его мать я не застал, а отца Федора помню в полуподвале на ул. Жуковского, ему стукнуло девяносто лет, он почти ослеп и ласково ощупывал меня руками. Семья была трудовая, папа помог

¹ Изучая географию своих перемещений, я отметил, что Судьба готовила меня на роль пламенного революционера. В Киеве перед войной я жил на улице 25-го октября, в Куйбышеве — на Чапаевской, в Москве на улице Литвина-Седого (революционер 1905 года), а потом на Ленинском проспекте, на ул. Готвальда (лидер коммунистов Чехословакии) и в переулке, примыкавшем к Безбожному(!), ныне Протопоповскому — в смене названий вся трагедия России. Впрочем, большевики перенасытили страну своими бессмертными именами, посему вовсе не жалею о переименовании родного Днепропетровска в Днепр, хотя украинских нациков терпеть не могу.

перебраться в Москву и устроил жену брата, слесаря Васи, буфетчицей в чекистский клуб на Лубянке.

Людмила Вениаминовна Любимова (в девичестве Иоффе), Милочка, моя любимая, самая любимая мама, умница и красавица, прожила лишь 38 лет. Помню ее смутно, как некую вечную нежность и заботу.

Захватывающая генеалогия с обеих сторон дальше дедушек и бабушек не вытягивается, никто ничего не записывал, дневников не вел и старался не высовываться.

Взглянем на героя с высоты низколетящего самолета, что избавляет от разгребания завалов души.

Перед вами мужичок с головой длиною в 10,83 дюйма и шириною в 6,36 дюйма (со щеками гораздо больше). В детстве за удлинённый затылок дразнили Геббельсом, нос, к сожалению, не длинный, и не крючком, как хотелось бы, дабы возбуждать внимание дам, а весьма ординарный, небольшой, с заметными кровеносными сосудами (с детства), с годами превратившимися по загадочной причине в склеротические жилки. Выступ надбровных дуг убого мал и не отдает талантом, зато высота лба внушает уважение, лоб растет с каждым годом все выше и выше, превращаясь в позорную пустыню. Уши: мочки нормальные, прекрасный верхний бордюр, выверта наружу нет, объем противокозелка нормальный, отопыривание отсутствует (*nota bene!*), общая форма — овальная, по периметру ползут одуванчики светлых волос, они вздымаются и вдруг напарываются на черный, неясно, зачем и откуда выросший куст. Владелец головы впиивается в эту смоль двумя обгрызенными пальцами, с наслаждением вырывает куст и подносит к глазам, дивясь, что такое может вырасти на человеческом ухе. Пробует добычу на язык, дует в нее изо всех сил, щекочет волосинками нос, чихает и, сдерживая искушение все это заглотнуть, горько хохочет и с сожалением кидает на пол.

Бесцветны и жидки брови, они нарисованы словно для подтверждения, что головка сыра суть лицо; узко и безрадостно пространство между зенками, что свидетельствует об остроте ума, а возможно, о тупости; контур фаса — лошадиный, но размытый в ширину все из-за тех же необъятных щек. Глаза серые и невыразительные, шпионско-дипломатические. Рот правильный, почему-то не чувственный, без заячьей губы, он, правда, становится варежкоподоб-